

Если бы дело происходило в другом месте, У Совэй не придавал бы этому особого значения, но ведь он был у себя дома. Если кто-то увидит — как он объяснится перед родными? Мать У даже представить не могла, что он может быть с кем-то таким образом, а уж о том, что невестка может оказаться мужчиной, и речи быть не могло.

Голос У Совэя охрип:

— Чи Чэн, хватит. Живо вставай, поговорим, когда вернемся.

Силы были неравны, он не мог даже сдвинуть его с места.

Чи Чэн смотрел на него с усмешкой:

— Что, испугался?

— Еще бы, — отрезал У Совэй. — Попробуй сделать это при своих родителях.

Чи Чэн протянул руку и схватил У Совэя за самое интимное место:

— Так ведь так куда острее.

— Больно... — У Совэй глухо застонал, огляделся по сторонам и прошептал, дрожа: — Острее тебе в задницу! Чи Чэн, предупреждаю, не вздумай пугать мою мать, иначе я с тобой в лепешку расшибусь!

Не успел он закончить, как его рот снова накрыли поцелуем. Знакомое ощущение вновь захватило все его мысли — он слишком привык к каждому прикосновению Чи Чэна.

В тот момент, когда он уже решил, что спасения нет, Чи Чэн укусил его за уголок губ:

— Не хочешь, чтобы я трогал — значит, работу эту я делать не буду.

У Совэй, собрав остатки разума, выдавил:

— Я сам... Я сам выкопаю.

Услышав это, Чи Чэн разжал руки, поднялся, отряхнул пыль с одежды и бросил корзину рядом с ним:

— Копай.

У Совэй бросил на него полный ненависти взгляд и присел на корточки, чтобы выдернуть редьку. Но едва рука коснулась ботвы, он взвыл от боли:

— Ай, больно!

Он отчаянно тряс рукой — недаром говорят, что пальцы связаны с сердцем.

Он поднял взгляд на Чи Чэна:

— У меня рука повреждена.

Чи Чэн кивнул на другую:

— Другой работай.

— Это не рабочая рука, мне непривычно. Ладно, болит — и пусть болит.

У Совэй, стиснув зубы, потянулся к овощам. После долгих усилий ему удалось выдернуть один, но большой палец снова закровоточил. Казалось, он перестал чувствовать боль — отложил редьку и продолжил.

Ботва, которую он выдергивал, окрашивалась кровью. Когда он вытащил вторую, Чи Чэн, нахмурившись, схватил его за руку и поднял на ноги:

— У тебя кровь идет, ты не видишь, что ли?

У Совэй с каменным лицом попытался снова присесть:

— Ничего, не помру!

Чи Чэн оттолкнул его в сторону:

— Сиди смирно.

— Сам сказал, — У Совэй отступил на два шага, уселся на краю поля и с торжествующей усмешкой наблюдал, как Чи Чэн выдергивает редьку.

Он знал: стоит ему хоть немного себя помучить, Чи Чэн не выдержит.

— Давай серьезнее, выдергивай как следует, — У Совэй сорвал старый пластырь, наклеил новый и принялся бездельничать в роли надсмотрщика.

Сила есть сила: Чи Чэн управился меньше чем за полчаса.

У Совэй даже подумал: почему он не переместился в прошлое еще раньше? Тогда бы всю домашнюю работу делали за него.

Чи Чэн, легко неся две полные корзины редьки, словно это были детские игрушки, вернулся домой. Мать У накрыла стол, ломившийся от еды.

У Совэй нахмурился:

— Мам, зачем ты столько приготовила? Где вчерашние остатки?

Мать У поставила на стол свежеприготовленные ребрышки:

— Что ты за глупости говоришь? Разве можно гостя кормить вчерашней едой? Сяо Чи, ты так устал, садись скорее обедать.

Как только Чи Чэн сел, его миска тут же оказалась доверху наполнена заботой матери У.

Внутри у него возникло странное, ни на что не похожее чувство, и взгляд смягчился.

У Совэй увидел, как в миску Чи Чэна упала куриная ножка:

— Мам, ты слишком предвзята!

Мать У вытащила из блюда еще одну:

— Чего кричишь? Вот, есть еще одна, ешь!

У Совэй тут же расплылся в улыбке и посмотрел на Чи Чэна:

— Попробуй мамины жареные баклажаны, они вкуснее мяса.

Чи Чэн с детства привык получать все, что хотел, поэтому был равнодушен к вещам и к еде — ведь он перепробовал слишком многое. Но сейчас он впервые почувствовал, что еда — это не просто способ набить желудок.

— Действительно вкусно, — сказал он.

У Совэй с улыбкой пододвинул баклажаны ближе к нему:

— То-то же! Моя мама готовит лучше всех.

Мать У смутилась от похвалы:

— Ой, перестань. Сяо Чи, ты сегодня так потрудился, за один вечер выдернул столько редьки. Наверное, в школе ты очень популярен у девчонок?

Услышав это, куриная ножка во рту У Совэй потеряла вкус, а сам он почувствовал себя неловко.

— Тетя, вы мне льстите, я смотрю, Да Цюн... — начал Чи Чэн.

Услышав нелепое обращение, У Совэй перебил его:

— Я сменил имя, теперь я У Совэй.

Мать У добавила:

— Да, Да Цюн недавно сменил имя, но я привыкла звать его Да Цюн, никак не могу переучиться.

Чи Чэн замер. Он думал, что имя У Совэй было выдумкой, а оказалось, что это новое имя.

Он улыбнулся:

— У Совэй, наверное, и в университете пользуется успехом у девушек?

Мать У ответила:

— Нет, Да Цюн только и делает, что учится. Кстати, Да Цюн, ты же говорил, что ухаживаешь за одной девушкой, как у вас дела?

У Совэй закашлялся так сильно, что чуть не выплюнул еду, и украдкой взглянул на Чи Чэна:

— Мам, зачем ты об этом?

Как только он поступил в университет, мать начала подталкивать его к поискам пары. У Совэй и сам хотел найти кого-то, и как раз встретил Юэ Юэ — она ему приглянулась. Они были в стадии флирта, и после его признания она еще не дала ответа.

Когда он в прошлый раз звонил матери, то в шутку сказал, что скоро покажет ей фото невестки. Он и не думал, что она поднимет эту тему за столом, да еще и при Чи Чэне.

Мать У, не видя ничего плохого, рассмеялась:

— А чего стесняться? Ты уже взрослый, разве влюбляться — это ненормально? Слушай меня: будь с девушкой щедрым. Нет денег — скажи маме, не жалею для нее ничего, понял?

— Мам, хватит, — попросил У Совэй.

— Ладно-ладно, молчу, какой застенчивый, — рассмеялась она.

Чи Чэн посмотрел на У Совэя темным, нечитаемым взглядом:

— У тебя есть девушка?

У Совэй, уткнувшись в тарелку, буркнул:

— Нет! Давай просто есть.

За столом воцарилась неестественная тишина. У Совэй, даже не глядя на Чи Чэна, чувствовал, какое у того низкое давление.

После ужина У Совэй взял полотенце, чтобы умыться, но как только он вошел в ванную, Чи Чэн последовал за ним.

У Совэй бросил взгляд на дверь, в его глазах читалась паника:

— Ты зачем зашел? Уходи!

Чи Чэн с вызовом ответил:

— У тебя ведь рука болит, я помогу.

У Совэй понизил голос:

— Кто просил тебя помогать? Проваливай!

Он попытался вытолкать его за дверь, но на пороге они столкнулись с матерью У. У Совэй в панике не знал, как объяснить:

— Мам, понимаешь, он...

Мать У с улыбкой протянула ему одежду:

— Сяо Чи, это вещи Да Цюна, поноси пока.

У Совэй возмутился:

— Мам, ты что творишь? Я ведь первый зашел!

Он знал, что мать всегда добра к гостям, но это было уже чересчур — она буквально проигнорировала его.

Мать У сказала:

— Солнце сегодня плохое, вода в нагревателе может быть прохладной. Мойтесь вместе, заодно Сяо Чи посмотрит на твою рану.

У Совэй: «...»

Родная мать, это же лиса в курятник!

Чи Чэн улыбнулся и взял одежду:

— Спасибо, тетушка, мы быстро.

Как только дверь закрылась, взгляд Чи Чэна изменился, он приподнял бровь:

— Слышал? Тетушка велела как следует тебя помыть.

У Совэй настороженно уставился на него:

— Не подходи. Будем мыться по очереди.

Он пятился назад, хотя в глубине души хотел другого, но сейчас было не время — он не мог позволить себе переступить черту.

Увы, ванная была меньше трех квадратных метров, бежать было некуда, и Чи Чэн легко притянул его к себе. Спина У Совэй ясно ощущал твердую грудь Чи Чэна.

Чи Чэн обхватил его, игриво прикусил розовое ухо. После дневных намеков в поле он чувствовал, что У Совэй в глубине души хочет этого, просто разум пока противится.

Так и есть: от нежного покалывания в ухе У Совэй пробила дрожь, но он заставил себя сохранять спокойствие:

— Чи Чэн, предупреждаю, не вздумай распускать руки.

Чи Чэн промолчал, снова укусил его за ухо, а затем рука скользнула под спортивные штаны. У Совэй в испуге попытался прикрыться, но Чи Чэн придавил его руку:

— Не дергайся!

Чи Чэн с самого обеда сдерживался. Он не любил ходить вокруг да около: раз уж У Совэй его провоцирует, то плевать на все — сначала переспит, а там видно будет.

Яростное сопротивление У Совэя не причиняло Чи Чэну вреда, напротив, только раззадоривало. У Совэй понимал: если сейчас все пойдет слишком далеко, остановить процесс будет невозможно. У него не хватило бы храбрости устроить такое дома. Его мозг лихорадочно работал, и он перестал сопротивляться.

— Ладно, Чи Чэн. Хочешь меня? Хорошо, я дам. Но после этого — всё, между нами конец. Больше не смей ко мне лезть.

Рука Чи Чэна замерла. Он усмехнулся:

— Что это значит? Неужели ты думаешь, что твои игры в невинность сработают?

У него было много партнеров, и для него их связь была лишь физиологией. Никакой любви, никаких игр — он не собирался тратить время на сентиментальность.

У Совэй повернул голову и посмотрел на него. В глазах — спокойствие воды, в которой отражался Чи Чэн.

— Тогда делай быстрее, а после — проваливай.

На лице У Совэя застыла улыбка, голос не дрожал.

Чи Чэн перестал улыбаться, несколько секунд злобно сверлил его взглядом. Он мог бы не слушать его и просто взять свое, но, встретившись с его глазами, внезапно остановился. Разум внезапно остыл, он оттолкнул его:

— Снимай одежду, мойся и проваливай отсюда.

В глубине души У Совэя мелькнуло торжество. Преимущество опыта в том, что он знал, как управлять Чи Чэном. Оступление для наступления — этот прием работал как с прежним, так и с молодым Чи Чэном.

Он словно нашел кнопку управления им и покорно отозвался:

— Хорошо, — и принялся раздеваться.

Зная характер Чи Чэна, он был уверен: раз тот сказал, то не тронет.

— У меня рука болит, помоги стянуть штаны, — У Совэй без тени смущения повернулся к нему спиной.

Чи Чэн, глядя на его все более дерзкое поведение, пожалел, что не настоял на своем. Он дернул штаны вниз, а затем взял поврежденную руку У Совэя, следя, чтобы на нее не попала вода.

Чи Чэн не трогал его, но глаза не отдыхали — казалось, он хочет видеть его насквозь. Наконец взгляд упал на ягодицы У Совэя, и он не удержался, с силой сжал их:

— Сам худой, а задница мясистая.

У Совэй резко обернулся, его глаза округлились. Хотя он вернулся в прошлое, когда Чи Чэн

произнес те же самые слова, он почувствовал дежавю.

Чи Чэн решил, что тот не хочет, чтобы его трогали, и слегка нахмурился:

— Что, раз не даешь себя поиметь, так и потрогать нельзя?

У Совэй снова отвернулся, промолчав, но это молчание было знаком согласия.

Это лишь подстегнуло его решимость как можно скорее прибрать Чи Чэна к рукам, сделать так, чтобы тот снова видел только его и носил его в своем сердце.

Когда У Совэй закончил, Чи Чэн вышел из ванной только через час. Не нужно было спрашивать, чем он там занимался.

У Совэй выложил на кровати ряд книг. Чи Чэн, увидев это, съязвил:

— Думаешь, если я захочу тебя, эти книги меня остановят?

— Я боюсь, что во сне буду ворочаться и скину тебя, — на ходу придумал У Совэй.

На самом деле он защищался не от Чи Чэна, а от самого себя: если он потеряет контроль и сам набросится на него — вот тогда будет беда.

<http://bllate.org/book/20872/2107328>